

Тюрьмы в Кирилло-Белозерском монастыре в XVII–XIX вв.

Белова Надежда Алексеевна

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и истории,
Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний.
Россия, г. Вологда. ORCID: 0000-0002-5564-5426. E-mail: nade-belova@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье на основе опубликованных и, главным образом, неопубликованных архивных документов, а также историографического анализа исследовательских работ предпринята попытка воссоздания истории тюрем, существовавших в XVII–XIX столетиях на территории одного из крупнейших русских монастырей – Кирилло-Белозерского. Актуальность данной темы обусловлена сложным и неоднозначным характером монастырской пенитенциарной практики, обращение к которой на примере конкретной обители позволяет выявить ее своеобразие и глубже понять место монастырей в отечественной системе исполнения наказаний. Методологическую основу исследования составили принципы историзма, научности и объективности, а также методы: сравнительно-исторический, описательный и критической интерпретации источников. Особое внимание в статье уделено устройству и пенитенциарной практике монастырской темницы, действовавшей на территории обители в XVII–XVIII вв. Охарактеризованы причины заточения узников, условия их содержания в изоляции, дан анализ состава тюремного контингента. Показано, что в отношении заключенных преследовалась не только цель покарать их, но и привести к раскаянию. Выявлено, что с закрытием монастырской темницы интеграция монастыря в пенитенциарную систему не завершилась. В период с 1770-х по 1870-е гг. в бывших монастырских тюремных помещениях, предоставленных обителю в аренду городу Кириллову, функционировала уездная тюрьма, а затем временно содержались пленные горцы. Один из главных результатов исследования заключается в том, что после секуляризационной реформы 1764 г. значение пенитенциарной деятельности Кирилло-Белозерского монастыря постепенно снижается, и в итоге к последней четверти XIX в. обитель полностью от нее освобождается.

Ключевые слова: история пенитенциарной системы России, Кирилло-Белозерский монастырь, монастырская тюрьма, уездная тюрьма.

Пенитенциарная практика православных монастырей как особый феномен отечественной истории, существовавший на протяжении нескольких столетий, оказала существенное влияние на русское общество, карательную политику государства и формирование системы наказаний в России.

Кирилло-Белозерский монастырь наряду с другими российскими обителями выполнял пенитенциарные функции, служил местом ссылки и заточения для разных категорий преступников. Те из них, кто совершал преступления против государства и церкви, подвергались заключению в монастырскую тюрьму, существовавшую на территории обители в XVII–XVIII вв. После ее закрытия в помещениях, арендованных г. Кирилловом у монастыря, с 1770-х по 1870-е гг. размещалась уездная тюрьма.

Несмотря на значительный научный интерес к истории Кирилло-Белозерского монастыря, возникший еще в XIX в., одним из наименее изученных вопросов остается использование его в течение длительного времени в качестве места заключения.

Актуальность данной темы заключается в том, что изучение истории тюремных учреждений, функционировавших на территории Кирилло-Белозерской обители, позволяет расширить представление об интеграции монастырей в пенитенциарную систему государства, а затем их постепенном освобождении от функций мест заключения.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы наиболее полно воссоздать историю тюрем Кирилло-Белозерского монастыря, выявить особенности пенитенциарной практики данной обители и глубже понять место монастырей в общей системе наказания России.

В историографии рассматриваемой темы можно выделить три периода: дореволюционный, советский и постсоветский.

В рамках первого из них вопрос устройства тюрьмы в Кирилло-Белозерском монастыре изначально имел легендарный характер. Краткое описание тюремных помещений, существо-

вавших в башнях монастырской ограды, дали, основываясь на преданиях, лично осматривавшие обитель С. П. Шевырев [42] и Ф. А. Арсеньев [4]. А. Н. Муравьев [15] и иеромонах Геронтий [11] соглашались с предположением о наличии темницы в Московской башне, однако выражали сомнения в возможности ее существования. Самое раннее из сохранившихся изображений монастыря, подтверждающих присутствие на его территории отдельного строения для тюрьмы, опубликовал Н. К. Никольский [16]. О том, что в обители имелось особое здание для тюремных сидельцев, упоминал также Н. П. Успенский [38].

В советский период первым историю «тюрьмы в крепости» стал изучать Г. Г. Антипин. Итоги личного обследования тюремных помещений и анализ состава узников тюрьмы в XVIII в. позволили ему в духе времени назвать монастырь «жестоким тюремщиком» [3]. Интерес к этой тюрьме проявил Н. Н. Забек [8]. М. Н. Гернет, опираясь на работу Г. Г. Антипина, посвятил ей параграф первого тома своей «Истории царской тюрьмы» [7]. Упоминания о данной тюрьме имеются в книге А. Н. Кирпичникова и И. Н. Хлопина по истории создания на Русском Севере «великой государевой крепости» [12], в историко-художественном очерке И. А. Кочеткова, О. В. Лелековой, С. С. Подъяпольского о Кирилло-Белозерском монастыре [14].

В постсоветскую эпоху отдельные сюжеты из истории этой монастырской тюрьмы получили отражение в обновленном очерке вышеуказанных авторов [13], исследованиях историков А. Р. Павлушкова [19] и С. О. Шаляпина [40, 41], посвященных монастырской пенитенциарной практике, статьях музейных работников И. А. Смирнова [36], О. В. Вороницовой [5]. К истории Кирилловской уездной тюрьмы, функционировавшей на территории обители, обращались в своих публикациях последние из упомянутых авторов и Л. В. Теребова [37].

Источниковая база представлена опубликованными материалами и неопубликованными документами из фондов Российского государственного архива древних актов, Отдела рукописей Российской государственной библиотеки и Государственного архива Вологодской области.

Пенитенциарные функции Кирилло-Белозерского монастыря, служившего с конца XV в. местом ссылки, усилились в связи с появлением на его территории в первой половине XVII в. тюремных сидельцев. К наиболее ранним документам, подтверждающим наличие тюрьмы в обители, относится грамота, направленная в ноябре 1632 г. патриархом Филаретом игумену Кириллова монастыря Феодосию. Ею повелевалось «служку Лучку Сандырева и крестьян Костю Шиляева да Якушка Васьяновского, которые сидят в тюрьме в государеве деле, беречи до нашего указа. И как к вам сия наша грамота придет, и вы б того служку Лучку Сандырева и крестьян Костю Шиляева да Якушка Васьяновского прислали к нам к Москве скованных с приставом на монастырских подводах» [20, л. 1–1об.].

В монастырь также присылались приговоренные к казни, но помилованные узники. Например, по указу царя Алексея Михайловича от 23 января 1647 г. для содержания в смиренности и черной работе в обитель посланы помилованные им колодники чернецы Кирило, Боголеп, Иона и дьячок Якушко, которые за непристойные речи о государе и боярах «довелись было смертные казни» [9, с. 1–2].

Фактически на тюремном режиме, с применением цепи и кандалов, приказывалось содержать лиц, направленных в обитель «под крепкий начал». Прощение зарабатывалось ими молитвами и тяжким трудом. Так, грамотой патриарха Иосифа игумену Антонию 1642 г. предписывалось посланных в монастырь попа Луку (за порчу служб в Службниках) и садовника Якушку Карташа (за постриг беременной жены и кровосмешение) держать «под крепким началом на цепи, в черных трудах; первого во время службы пускать в церковь в ножных железах, а последнего приводить к церкви и держать вне оной на цепи, после же службы велеть им кланяться в землю каждому из братии по три раза» [10, с. 146].

Места содержания «подначальных людей» на территории обители в документах светской и церковной власти конкретизировались крайне редко. Лишь благодаря отдельным упоминаниям можно установить, что их размещали в хозяйственных помещениях и кельях. Например, грамотой патриарха Никона от 18 декабря 1655 г. «на Белоозеро Кирилова монастыря архимандриту Митрофану с братией» предписывалось принять в монастырь «под крепкий начал» и поместить «в хлебню, на цепь» сына протопopa Московского Архангельского собора Никифора Василия за «сумасбродство, многие его отцу непослушания и пьянство» [21, л. 1–2].

Устройство в монастыре специальных тюремных помещений, по мнению большинства историков, связано со строительством крепости Нового города [11, с. 89], завершение которого исследователи относят к концу 1670-х – началу 1680-х гг.

Стены крепости заключали в себя постройки большого Успенского и малого Ивановского монастырей, разделенных с половины XVI в., и возведенного в 1611–1612 гг. острога¹. В ее ограде были устроены и помещения для содержания заключенных. Вместе с тем скудность источниковой базы предопределила дискуссионный характер вопроса о местоположении тюрьмы.

С. П. Шевырев так описывал темницу Кириллова монастыря: «Внутри каждой башни... большой каменный столб, <...> разделенный на несколько отделов. К каждому отделу вел особый ход... Внутри узкое, тесное пространство, сверху свод, отверстие и два бруса. Вот что называлось в старину теми страшными каменными мешками, в которых заключали преступников, изгнанников или пленных» [42, с. 6]. Ф. А. Арсеньев воспроизвел ту же информацию и еще больше сгустил краски: «...Внутри этих столбов сырость, теснота и мрак... Из этой темной пасти так и веет могилкой... В одной из башен сохранилось даже кольцо, к которому приковывались к стене заключенники. Такого рода камеры одиночных заключений выработали нравы семнадцатого столетия. Из этих ужасных тайников если и выходили люди живыми, то уж наверно сумасшедшими» [4, с. 94].

А. Н. Муравьев упомянул о наличии тюремных помещений лишь в Московской (Ферапонтовской) башне, но при этом выразил сомнение в использовании их в пенитенциарных целях. По этому поводу он писал, что «во всю ее высоту... стоит внутри каменный столб, разделенный на ярусы, или так называемые каменные мешки, куда, по преданию, сажали преступников и пленных: страшная темница, если она когда-либо тут существовала; но чего не делалось в средние темные века?» [15, с. 252]. Позже эти сведения были почти дословно повторены иеромонахом Геронтием [11, с. 84].

Архимандрит Иаков, знакомый с мнением А. Н. Муравьева по поводу каменных мешков, в кратком пересказе ряда архивных материалов отмечал, что «из монастырских актов не видно, чтобы сажали преступников или пленных в мешки: о мешках нигде ни слова, а все о тюрьме» [10, с. 148].

Н. П. Успенский полагал, что устроенные внутри каменных столбов наугольных башен мешки имели чисто военные цели и использовались в качестве кладовых для боеприпасов. По его мнению, эти темные и тесные помещения, которые запирались наглухо дверьми (о чем свидетельствовали торчащие в узких дверных отверстиях железные крюки), поражали воображение и породили легенду, что здесь «в древнее время сидели несчастные заточники и, заживо замуравленные, умирали жестокою смертью» [38, с. 632]. Поскольку письменные памятники не подтверждали этой «догадки воображения», историк пришел к выводу, что «монастырь для своих тюремных сидельцев имел особое здание» [38, с. 632].

Самое раннее из известных изображений Кирилло-Белозерского монастыря, на котором указано местоположение тюрьмы на территории Нового города (гравюру А. Ростовцева, датируемую 1720 г.), опубликовал Н. К. Никольский [16, с. XCIV]. Им также отмечено, что Угловая (Мельничная) башня, именуемая в описи 1732–1733 гг. тюремной, в описи 1773 г. упомянута уже как «наугольная (что пониже мельницы) круглая и за ветхостью сверху и до половины была разломана» [16, с. 237].

Г. Г. Антипин постройку тюрьмы для уничтожения «крамолы и хулы» отнес к периоду возведения Нового города, ссылаясь на то, что к середине XVII в. революционное и антицерковное движение «значительно шагнуло вперед» [3, с. 36]. По его мнению, тюремные помещения находились в крепостной стене. «От Московской башни стена... сворачивает на запад и тянется до въездной Косой башни на 137 м. В нижнем ярусе его 8 дверей ведут в 23 помещения, значительная часть которых... резко отличается своим устройством от всех помещений нижнего яруса. Здесь... одна общая комната... и 2 небольшие камеры в толще стены. Камеры очень малы... Всего здесь 4 одиночных камеры» [3, с. 29]. В качестве аргументов автор приводил описи XVIII в., которые называют тюрьму «в наружной ограде, подле башни Косой», и «вид монастыря 1742 г.² указывает на тюрьму именно в этом месте» [3, с. 29]. В том же северном прясле крепостной стены им обнаружены 14 тюремных помещений у Белозерской башни. «На 27 метре, сразу же за левой караульной, в нижнем ярусе, вплоть до наугольной башни, на расстоянии 69 м, находится монастырская тюрьма XVII–XVIII веков... Больших тюремных помещений здесь

¹ Изначально этот термин означал оборонительное сооружение. Упомянутый острог защищал с напольной стороны Ивановский монастырь, до настоящего времени не сохранился.

² Гравюра М. Н. Нехорошевского, хранящаяся в Кирилло-Белозерском музее-заповеднике.

6: все они довольно однообразны... между ними идут 6 более узких комнат с дверьми, имеющих в толще стены 6 одиночных камер... Здесь же... имеются 2 длинных, узких общих камеры» [3, с. 30]. Тюрьма «почти до конца XVIII века была обитаема заключенными» [3, с. 19]. Правая караульня, перестроенная в 1849 г. для жилья инвалидной команды, охранявшей монастырские склады, имела «одну большую узкую камеру и одну одиночку» [3, с. 30].

Н. Н. Забек, обследовавший корпус «вдоль прясла от Косой башни почти до Белозерской», отмечал, что «вся распланировка помещения наводит на мысль, что этот корпус строился, как казарма для стрельцов», но вскоре после постройки «помещение было использовано под политическую тюрьму» [8, с. 173]. Ссылаясь на работу Г. Г. Антипина, он указывал, что одновременно в тюрьму помещалось не более 12 заключенных, причем часть их находилась в общей камере. Этот факт позволил исследователю выдвинуть гипотезу, что «такое большое здание могло служить и тюрьмой, и казармой для конвоя одновременно» [8, с. 173]. По версии Н. Н. Забека, «ясно выраженный тюремный характер носит только часть корпуса у Троицких ворот; она представляет отдельное помещение из двух камер (общей и одиночки с топчаном и следами выбитых колец для цепи на стене, коридора и уборной)» [8, с. 173]. Устройство образующих камеры перегородок он расценил как «свидетельство приспособления казармы под тюрьму» [8, с. 173].

А. Н. Кирпичников и И. Н. Хлопин появление тюрьмы в Кирилло-Белозерском монастыре отнесли к XVI в., но первое упоминание о ней связали с наказом от 29 апреля 1614 г. Д. П. Дернову, назначенному в обитель стрелецким головой [2, с. 71–73]. Поскольку в документе вопрос о тюрьме затронут косвенно, ввиду наделения Дернова правом смирять подчиненных стрельцов в случае неуплаты ими пени («смотря по вине, в тюрьму сажать и батоги бить, кто чего доведется» [2, с. 72]), то точно установить, о какой конкретно тюрьме в нем шла речь, не представляется возможным. Допустив, что в наказе подразумевалась монастырская тюрьма, следует признать ее существование и до назначения Дернова. Документальные подтверждения наличия тюрьмы в обители, как уже упоминалось, относятся к началу 1630-х гг.

Сомнительно утверждение вышеуказанных авторов о том, что тюрьма в монастыре «просуществовала более 260 лет, до 1871 года» [12, с. 189]. Изначально они отмечали, что в качестве тюремных использовались «какие-то помещения первого яруса «Нового города» [12, с. 189]. А в документе 1687 г., предписывавшем старца Сергия «держат в каменной городской стене в кандалах и железах скована за крепким караулом», усмотрено прямое указание на местоположение тюрьмы: «...кельи в городской стене близ Белозерской башни, так называемая «тюрьма» [12, с. 190].

Но именно эти исследователи одними из первых упомянули о пребывании особо опасных узников в земляной тюрьме [12, с. 190–191]. К таковым в XVII в. относились избежавшие казни государственные преступники и «упорные раскольники». Например, грамотой царей Иоанна и Петра Алексеевичей архимандриту Тимофею³ повелевалось, чтобы он посланного из Москвы в Кириллов монастырь «за многое воровство и неистовство... посадского человека Мишку Федорова Сыроежника, заковав в кандалы, держал в земляной тюрьме с великою крепостию и давал ему по мере хлеба и воды... а к той тюрьме к нему никого не пропускать и говорить с ним ни о чем не велел» [10, с. 148].

По грамоте патриарха Иакима от 8 ноября 1689 г. архимандриту Иосифу отправке в Кириллов монастырь подлежал донской расколучитель монах Нафанаил. Его предписывалось за «растленное и поплзновенное житие и к раскольником сообщение» держать «в земляной тюрьме скована до кончины живота ево, и пищу ему давать и питье хлеб и воду, или чем возможно ему питаться, и никою с стороны припускать к нему не велеть и беречь, чтоб он не ушел» [1, с. 19–20].

О высылке в обитель за раскол «для исправления в вере» донского казака Афанасия Леншина⁴ и содержания его в земляной тюрьме в 1695 г. архимандриту Геласию были направлены две грамоты: Московским патриархом Адрианом, датированная 3 августа [17, л. 1], и архиепископом Вологодским и Белозерским Гавриилом от 15 числа того же месяца. В последней из них, со ссылкой на указ Иоанна и Петра Алексеевичей и грамоту из Малороссийского приказа, сообщалось, что Леншин прислан в Вологду с толмачом Посольского приказа Дани-

³ Документ не датирован, но может быть отнесен к 1682–1687 гг., времени игуменства Тимофея при этих царях.

⁴ В источниках встречается и другой вариант написания этой фамилии – Оленшин.

лой Леншиным. И его велено «с Вологды послать подначал к вам в Кирилов монастырь... у вас в монастыре до указа великих государей держать в земляной тюрьме в тех же кандалах, в которых он послан с Москвы, и того смотреть и беречь, чтоб он из той земляной тюрьмы не ушел» [1, с. 22]. 19 августа архимандрит Геласий в черновой отписке извещал архиепископа Гавриила, что этот колодник «под начал принят... и в земляную тюрьму посажен» [1, с. 23].

Ввиду малочисленности архивных документов, подтверждающих существование в обители земляной тюрьмы, под которой в XVII–XVIII вв. понималось «изолированное арестантское помещение цокольного этажа каменных зданий обители, лишенное пола» [40, с. 156], установить ее точное местоположение не представляется возможным.

Стоит заметить, что факт наличия тюрьмы в монастыре некоторые авторы подвергли сомнению. В частности, И. А. Кочетков, О. В. Лелекова, С. С. Подъяпольский изначально полагали, что «жилые кельи с чуланами, или так называемая “тюрьма”, были возведены в 1663–1667 гг.» [14, с. 45]. В дальнейшем они пришли к заключению, что «изнутри монастыря... устроено множество небольших камер, предназначавшихся, очевидно, для размещения гарнизона на случай осады. По бокам от въездных башен к стене изнутри пристроены помещения для караула. Часть стены между Косой и Белозерской башнями имеет в нижнем ярусе большие сводчатые палаты, чередующиеся местами с сенями, маленькими тесными кладовками и отхожими местами... Есть предание, что позднее здесь устроили монастырскую тюрьму» [13, с. 44–45].

Однако опубликованные и неопубликованные архивные материалы, содержащие сведения о лицах, заключенных в Кириллов монастырь в XVII–XVIII вв., достаточно репрезентативны и являются прямым доказательством существования в тот период тюрьмы на территории обители. Версия о ее расположении, выдвинутая Г. Г. Антипиным на основе собственного обследования помещений в стенах Нового города и упоминаний о тюрьме в описях XVIII в., представляется весьма убедительной, тем более что и обеспечивать охрану ссылаемых в монастырь узников, в документах часто именуемых колодниками, было проще и легче в одном месте, нежели в разных помещениях, рассредоточенных по территории обители. Вместе с тем ни в одном из выявленных документов нет подробного топографического описания этой тюрьмы.

Наказание в виде лишения свободы (содержание под стражей, под караулом) в монастыре назначалось не судом, а церковной или государственной властью. Если первоначально в Кириллов монастырь узники присылались обычно по грамотам царей и патриархов, то с начала XVIII в. – по распоряжениям Преображенского и Монастырского приказов, а позже – Тайной канцелярии (с 1731 г. – Канцелярии тайных розыскных дел) и Синода. Тюрьма при этом находилась в ведении настоятеля монастыря и была «вне контроля светских юридических органов» [3, с. 36].

Состав узников тюрьмы в этой обители в XVII–XVIII вв. был типичен для монастырских темниц. Для содержания под стражей сюда направлялись духовные и светские лица, признанные виновными в преступлениях против православной веры и церкви (в основном за раскол), против государственной власти (за «воровство», «слово и дело государево»). С начала XVIII в. к ним добавились заключенные, страдавшие психическими расстройствами. При этом душевнобольными нередко признавались лица, проявлявшие политическое или религиозное инакомыслие.

Пожизненное заточение узников не было исключительным явлением, поскольку срок их заключения не конкретизировался. Как отмечал Г. Г. Антипин, «первоначальные заключенные в тюрьму Нового города в большинстве были закованы и присланы сюда до скончания живота, т. е. до смерти» [3, с. 36]. Подобная тенденция сохранялась в дальнейшем. Например, указом Сената от 5 ноября 1729 г. было предписано рязанского иеродиакона Макария Мельхиседека за «некоторые ево предерзостные слова» [22, л. 2] послать «в подначальство» в Кириллов монастырь и содержать «тамо в монастырских трудах скована, до скончания жизни ево неисходно» [22, л. 1–1об.].

Точную численность заключенных, прошедших XVII–XVIII вв. через Кирилло-Белозерский монастырь, установить не представляется возможным. Во время существования тюрьмы, по мнению Г. Г. Антипина, в ней обычно одновременно содержалось от 8 до 12 узников [3, с. 37]. В связи с этим вызывает сомнение утверждение А. Н. Кирпичникова и И. Н. Хлопина о том, что «сотни хорошо сберегаемых секретных дел заключенных могли бы раскрыть не одну тайну кирилловских узников, но почти все они, случайно или намеренно, погибли при расхищении рукописей после 1859 года» [3, с. 189].

Некоторые из заключенных по решению светских или духовных властей освобождались от цепей, кандалов, работ и из тюрьмы, но покидать пределы монастырской ограды не могли. Например, в грамоте патриарха Никона от 13 января 1634 г. указывалось, что, «когда наша грамота придет... черного дьякона Иону и с цепи и от работ велеть свободить» [33, л. 1об.]. По грамоте царя Алексея Михайловича от 24 июля 1667 г. киевского выходца черного попа Анатолия следовало освободить от кандалов и «держат в монастыре неисходно» [39, с. 104]. Патриарх Иосаф в своей грамоте от 22 февраля 1671 г. потребовал старца Макария «из под начала свободить», но при этом «быть ему... при монастыре» [34, л. 1]. Грамотой вологодского архиепископа Гавриила, направленной монастырским властям в июле 1686 г., предписывалось содержать в тюрьме за раскол иеромонаха Фавста «ис тюрьмы велеть свободить и быт ему до указа под началом же» [1, с. 19].

Помимо карательного значения монастырское заключение имело целью достижение узниками раскаяния в содеянном, потому они не были лишены возможности духовного окормления. Так, грамотой патриарха Иоакима 1686 г. архимандриту Тимофею повелевалось, чтобы «раскольника чернеца Феодосия, присланного с Дону, принял в монастырь и посадил в крепкую тюрьму, чернил и бумаги ему не давал, и не допускал к нему никаких людей, кроме сторожевых, а буде он раскается, то приставил к нему духовного отца для исповеди и причащения» [10, с. 145].

Условия содержания и порядок осуществления надзора за присылаемыми в обитель колодниками конкретизировались в направляемых с ними сопроводительных документах. Особое внимание предписывалось уделять обеспечению строгой изоляции узников (запрещалось любое общение, переписка и др.). В отношении отдельных лиц указывалось на необходимость держать их закованными в кандалы, также «употреблять ко всяким работам». Так, по грамоте патриарха Иосафа от 27 августа 1667 г. «на Белоозеро Кириллова монастыря архимандриту Моисею... с братиею» предписывалось архимандрита астраханского Спасо-Преображенского монастыря Мисаила «держат под крепким началом скована за сторожею в монастыре во всяких трудах» [39, с. 106]. Согласно отписке архимандрита Сергия, 12 июня 1703 г. в монастырь был принят дьякон Вознесенского девичьего монастыря Матвей Конанов, направленный по указу Патриаршего Духовного приказа от 28 мая того же года на вечное житие, которого приказывалось «держат... скована» [39, с. 108].

В XVIII в. содержание под стражей в обители отдельных колодников, представлявших особую опасность, обеспечивалось воинской караульной командой. Действия караула прописывались в специальной инструкции, присылаемой архимандриту монастыря из Синода. В частности, таким документом от 26 января 1755 г. обязывались руководствоваться отставной утер-офицер и солдаты, охранявшие «присланных колодников сумасбродов» [24, л. 1]: солдата Семеновского полка Герасима Суздальцова и крестьянина Алексея Костенина. Их следовало «содержать в Кирилове монастыре порознь», и «смотреть непрестанно, дабы от тех колодников... не произошла какая... дерзость», а с кем из них «непристойная произойдет дерзость, тогда положить тому в рот кляп и содержать его не вынимая кляпа, кроме одного времени, когда дано ему будет есть» [24, л. 2].

Поскольку за колодниками тщательно следили, их побег из Кирилло-Белозерского монастыря случались крайне редко. Так, согласно докладному письму от 21 сентября 1704 г., побег из монастырской тюрьмы совершили двое колодников: ссыльные монахи Варлам Ключкин и Афанасий Нелединский [18, л. 1–2]. 20 июля 1747 г. из обители бежал колодник Арзамасского уезда Высокогорской пустыни бывший строитель иеромонах Иов [23, л. 1]. На основании донесения архимандрита Вавилы 21 августа того же года Синод издал указ о сыске беглеца. Его розыск, судя по переписке с Вологодской духовной консисторией, по состоянию на октябрь 1747 г. не увенчался успехом [23, л. 3, 6].

В XVIII в. на заключенных стали составляться ведомости, содержащие краткую информацию о каждом: его личные данные, год присылки и вину. Первый такой реестр, выявленный Г. Г. Антипиным, датирован 1724 г. Согласно этому документу, с 1717 г. за «невоздержание и пьянство» здесь содержался священник В. Федотеев. В 1719 г. за «непристойные слова» из Преображенского приказа в обитель доставили солдата П. Сафронова, а в 1720 г. – конархиста⁵ И. Губского. Оба узника были помещены под караул до кончины живота. За первым следовало смотреть «против других таких накрепко, чтобы непристойные слова ни с кем бы

⁵ Конархист (или канонарх) – руководитель монастырского хора, монах-регент.

не говорил», а второму предписано «заковану (быть) в кандалах, во всякой монастырской черной работе» [3, с. 36–37]. В 1722 г. по указу Синода за «слово и дело» в обитель прислали расстригу Алипия⁶ с повелением держать его «в тяжких монастырских трудах неисходно» [3, с. 37]. В 1723 г. сюда привезли «неисходных узников» певчего Карнаухова и расстригу Григория (первый из них, которого предписывалось содержать скованным до смерти, через два года умер) [3, с. 37]. Согласно «Экстракту вологодской преосвященного Пимена, епископа Вологодского и Белозерского, духовной консистории о впавших в вины содержащихся в епархии его Преосвященства под караулом и под присмотром колодниках» в 1733 г. по указу Синода в обитель был прислан во «внесостоятельном уме» посадский человек Михаил Казаринов, которому велено «быти для исправления ума в монастырских трудах под караулом» [6, л. 8об.].

В «Экстракте, учиненном из вышеписанной ведомости о содержащихся в Кирилове монастыре белозерских колодниках», который по содержащейся в нем информации может быть отнесен к 1744–1745 гг., перечислено 8 узников [6, л. 1]. Кроме их имен, указано, за что каждый содержался и в каком состоянии находился. Лишь двое заключенных упомянуты «в совершенном состоянии ума»: солдат Петр Петраков, присланный в монастырь за «непристойные слова», и слепой монах Мина, отбывавший наказание «за некоторые вины» (без объяснения, в чем он был обвинен). По поводу первого из них в «Экстракте» указано, что «никаких непристойных слов от него не происходит», а второму по указу Синода от 10 ноября 1744 г. возвращено монашество [6, л. 1об. – 2]. Остальные узники находились «внесостоянии ума своего». В их числе и упоминавшийся ранее расстрига Алимпий, в отношении которого сообщалось, что в 1742 г. Синодом прислан указ, повелевавший, «когда он придет в состояние ума, монашество возвратит и быть в числе братии» [6, л. 1]. Но предписание не было осуществлено, так как узник действительно лишился рассудка [6, л. 1].

Согласно реестру на 11 монастырских заключенных, составленному в 1745 г. для предоставления через Вологодскую духовную консисторию в Синод, их социальный состав был следующим: крестьян, солдат, духовенства – по 2, горожан и служащих (канцелярист) – по 1, без определенного звания (расстриги) – 3 [3, с. 37]. В «Реестре посланным в Кирилов монастырь Белозерский под присмотр колодников, и у кого ныне под присмотром содержатся», датированном 1763 г., указано 10 имен узников [35, л. 1–4].

Причиной закрытия монастырской тюрьмы в Кирилло-Белозерской обители стала, по всей с вероятности, секуляризационная реформа 1764 г. Наиболее позднее упоминание о пребывании узников в этой тюрьме выявлено в документе 1770 г. В нем сообщается, что оным штатом [караульных солдат] содержать колодников будет нечем более того... которые ныне в монастыре есть» [26, л. 4].

После закрытия в конце XVIII в. монастырской тюрьмы, точная дата которого неизвестна, обитель продолжала оставаться местом ссылки духовных и светских лиц, совершавших проступки против веры и нравственности, а духовенства – еще и за нарушения по службе. В редких случаях сюда направляли политических ссыльных. Так, в 1856 г. за «возмущение крестьян против правительства» в обитель был прислан учитель Лодзинского духовного училища Т. Миневич. Спустя два года его отправили в Суздальскую монастырскую тюрьму [3, с. 38]. 25 мая 1867 г. в монастырь из Шлиссельбургской крепости переведен «в облегчение участи» с разрешения императора чиновник 9-го класса Иван Ромашев [29, л. 2]. Г. Г. Антипин назвал его «последним ссыльным Кириллова монастыря» [3, с. 38].

Но, судя по архивным данным, ссыльные находились в обители и в начале 1880-х гг. Так, 31 марта 1883 г. Новгородская духовная консистория⁷ уведомила архимандрита Якова о направлении причетника Чудской церкви Череповецкого уезда Мефодия Цветкова «за нетрезвость» на полтора месяца в монастырь «на послушания и труды» [31, л. 3]. Более того, «для помещения ссылаемых в оный под надзор людей духовного и гражданского ведомства» [32, л. 1] на территории монастыря во второй половине XIX в. планировалось строительство нового каменного здания (подготовлены его проектный чертеж и смета [32, л. 1–26]).

Ввиду уменьшения численности монахов и резкого ухудшения хозяйственного положения после упомянутой реформы 1764 г. монастырь вынужден был начать сдавать в аренду часть освободившихся помещений, в их числе было и тюремное. В донесении архимандрита Ефрема 1847 г. в Новгородскую духовную консисторию указано, что для охраны сданных в

⁶ В других источниках встречается старая форма его имени – Алимпий.

⁷ В 1787 г. монастырь был передан в подчинение Новгородской епархии.

аренду помещений монастырь содержал инвалидную команду «от 10 до 14 человек, жительство имеющих внутри монастыря» [36, с. 66].

Единой точки зрения на время появления в стенах обители уездной тюрьмы, именуемой в документах по-разному, не существует. Так, в письме архимандрита Иакова от 9 октября 1873 г. упомянуто, что «городовая тюрьма помещена в монастырь с 1777 года» [30, л. 12]. В рапорте кирилловского городничего от 9 октября 1845 г. указано: «Градская тюрьма помещается в ограде Кирилло-Белозерского монастыря с 1812 года» [36, с. 66]. По версии О. В. Ворониной, под городскую тюрьму между 1809 и 1831 гг. переустроили северную караульную у Казанской башни [5, с. 5]. Наиболее убедительна, по мнению И. А. Смирнова, первая из этих дат, поскольку «большинство уездных учреждений было создано сразу же после образования уезда в 1776 году» [36, с. 66].

Арендная годовая плата, выплачиваемая монастырю из казны за размещение тюрьмы, составляла: «с 1812 по 1825 годы – 70 рублей ассигнациями, а с 1825 года – по 150 рублей с различными добавками» [36, с. 66]. Ремонтные работы возлагались на обитель. Так, в 1840 г. были переложены печи и вставлены разбитые стекла, в 1845 г. к тюрьме пристроили комнату для смотрителя и кухню для арестантов [36, с. 67].

5 мая 1851 г. городничий А. С. Политковский и архимандрит монастыря Ефрем заключили контракт, по которому помещение, занимаемое тюрьмой, сдавалось «под оную впредь, пока Правительству предостоять будет надобность, считая срок с седьмого октября 1850 года с платою Монастырю от казны по сту пятидесяти рублей серебром в год» [28, л. 6]. Необходимые «починки, поправки и переделки» тюремных помещений, а также очищение дымовых труб и поддержание чистоты рам были отнесены на счет монастыря. Контракт был утвержден Новгородским губернским правлением 11 июня 1851 г. [28, л. 7]

В связи с тем что занимаемый в ограде монастыря городской острог «при скоплении арестантов к размещению их по роду преступления тесен» [27, л. 1], в 1859 г. по поручению Новгородского комитета Общества попечительного о тюрьмах губернским архитектором был подготовлен «проект переделки того здания с необходимыми постройками» [27, л. 2]. Губернская строительная и дорожная комиссия, утвердив проект, направила его архимандриту. При этом она просила уведомить, не признает ли тот возможным «постройку сею произвести от монастыря», и в случае положительного ответа сообщить сумму, которую казна должна будет уплатить монастырю «за означенное помещение по надлежащем исправлении согласно упомянутому проекту» [27, л. 2]. Переписка по этому вопросу продолжалась несколько лет. Архимандрит в письме кирилловскому уездному предводителю дворянства от 6 октября 1867 г. подтвердил данное им уездному исправнику согласие на увеличение острожного помещения устройством над ним второго этажа, но при этом уведомил, что монастырь «может дозволить произвести означенные перестройки не иначе как на счет добровольных пожертвований» [28, л. 11–12]. Также сообщалось, что в 1866 г. устроена у монастырских ворот комната для конторы острога, обнесено высоким забором место, выделенное внутри монастыря против острога для прогулок арестантов, а в 1867 г. устроены мастерские для арестантов. Все стоило монастырю не менее 200 рублей [28, л. 12].

Следует отметить, что на «благонадежную братию» монастыря было возложено еще и духовное окормление содержащихся в остроге арестантов [36, с. 67].

26 сентября 1873 г. уездное отделение Общества попечительного о тюрьмах направило архимандриту Иакову уведомление губернатора о полученном им согласии МВД при заключении нового контракта увеличить годовую плату за аренду здания для острога, оставив за монастырем обязанность его ремонта [30, л. 12]. В ответном послании от 9 октября архимандрит обосновал неприемлемость дальнейшего существования тюрьмы на территории обители как с нравственной, так и материальной стороны. Он писал, что «грустно встретить острог у самых ворот великой Лавры Кирилловой... Эта жалкая картина омрачается нередко нравственным безобразием в словах и действиях караульной команды... внутри ограды тоже вид отвратительный... от множества узников скапливается весьма много всякой нечистоты и мусора, и все это выбрасывается за забор, на внутренний двор монастырский... В тюрьме, обыкновенно, всегда содержатся узники обоего пола, – эти узники, от скуки, – поют себе песни... От колодников... опасность хищений и злоупотреблений» [30, л. 8–9]. Свою незаинтересованность в продлении контракта архимандрит пояснял тем, что для монастыря крайне затруднительны обязательства по ремонту помещений острога и пристройке к нему второго этажа. И в заключение предлагал уездному отделению озаботиться приобретением иного помещения «для устранения... всех неудобств и затруднений» [30, л. 10].

Нерешенность вопроса с острогом побудила архимандрита 1 декабря 1873 г. изложить свою позицию по этому поводу исправнику. Он сообщал, что ни о каких надстройках не может быть и речи, ибо письменного согласия на это никогда не давал, и «выселение арестантов... вопрос решенный, вопрос только о времени вывода», но, поскольку «вывести тюрьму вдруг из монастыря нельзя», монастырский собор принял решение «о дозволении оставаться арестантскому помещению в ограде на прежних условиях, впредь до устройства тюремного замка в доме Булычева» [30, л. 19].

Тюрьма была переведена в город, в здание, принадлежавшее казенному ведомству, лишь в 1876 г. [37, с. 6] Помещение караульни в Казанской башне было превращено в военную тюрьму, в которой в 1877–1878 гг. содержались пленные горцы. В дальнейшем в нем оборудовали гостиницу для женщин, просуществовавшую до 1897 г. [36, с. 67]

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что практика использования Кирилло-Белозерского монастыря в качестве места заключения явилась следствием заинтересованности государства в передаче ему части своих пенитенциарных функций. В XVII–XVIII вв. обитель была местом содержания лиц, уличенных в разных винах против церкви и государства и направленных для отбытия наказания во внесудебном порядке, по постановлениям духовной и светской власти. Удаленность монастыря от центра позволяла обеспечивать строгую изоляцию узников, исключая любые контакты с внешним миром, затрудняла возможность их побегов. В отношении заключенных преследовалась не только карательная цель, но и возможность их исправить, привести к раскаянию, вернуть к православной вере, а также не допустить распространения идей, противоречивших церковному учению и угрожавших незыблемости самодержавия. Отдельных узников изначально присылали в обитель на «неисходное содержание». Для их основной массы сроки заключения не были определены, поэтому одни оставались в заточении пожизненно, а другие были помилованы и освобождены из тюрьмы, но покидать монастырь не могли. Численность колодников, одновременно содержавшихся в тюрьме, была незначительной (до 12 человек). С закрытием монастырской темницы интеграция монастыря в пенитенциарную систему не завершилась. Изменение экономического уклада жизни обители после 1764 г. потребовало поиска новых источников дохода. Наличие тюремных помещений позволило сдавать их в длительную аренду. В итоге на территории обители с 70-х гг. XVIII в. по 70-е гг. XIX в. размещалась уездная тюрьма, доставлявшая немало хлопот монастырским властям. А после ее перевода в город еще некоторое время в тюремных помещениях содержались пленные горцы. В завершение хотелось бы отметить, что скудность и фрагментарность источников по данной теме стала основной причиной появления далеких от истины легенд о тюремных помещениях Кирилло-Белозерского монастыря.

Список литературы

1. Акты и грамоты Кирилло-Белозерского монастыря (из архива Саратовской ученой архивной комиссии) / предисл. А. А. Гераклитова // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1914. Вып. 31. С. 1–27.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Т. 3. 1613–1645. СПб., 1836. 518 с.
3. Антипин Г. Г. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря. Кириллов, 1934. 40 с.
4. Арсеньев Ф. А. От Шексны до Кубенского озера (путевые очерки). II. В Кирилове // Древняя и новая Россия. 1878. Т. 2, № 6. С. 89–98.
5. Вороничева О. В. Реставрация Казанской башни ансамбля Кирилло-Белозерского монастыря. Кириллов, 2015. 10 с.
6. ГАВО (Государственный архив Вологодской области). Ф. 496. Оп. 1. Д. 555.
7. Гернет М. Н. История царской тюрьмы : в 5 т. Т. 1: 1762–1825. М., 1960. 384 с.
8. Забек Н. Н. Крепостные сооружения XVII века в Кирилове // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной армии : в 2 т. Т. 1. Л., 1940. С. 154–178.
9. Из рукописей Е. В. Барсова // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1885. Кн. IV. Ч. V. С. 1–3.
10. Извлечение из архивных книг и дел Кириллова Белозерского монастыря / Сообщены настоятелем Кириллова монастыря архимандритом Иаковом // Древности : труды Московского археологического общества. 1880. Т. 8. С. 135–154.
11. Историко-статистическое описание Кирилло-Белозерского (Успенского) мужского первоклассного монастыря Новгородской епархии / сост. Геронтий (Г. М. Кургановский). М., 1897. 161 с.
12. Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. Великая государева крепость. Л., 1972. 252 с.
13. Кочетков И. А., Лелекова О. В., Подъяпольский С. С. Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри: архитектурные памятники. М., 1994. 63 с.

14. Кочетков И. А., Лелекова О. В., Подъяпольский С. С. Кирилло-Белозерский монастырь. Л., 1979. 172 с.
15. Муравьев А. Н. Русская Фиваида на Севере. СПб., 1855. 507 с.
16. Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. 1. Вып. 1. СПб., 1897. [457] с.
17. ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 17. Д. 1204.3.
18. ОР РГБ. Ф. 570. Оп. 1. Д. 43.
19. Павлушков А. Р. Пенитенциарная практика северных монастырей XVIII–XIX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2000. 309 с.
20. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 196. Оп. 2. Д. 14.
21. РГАДА. Ф. 196. Оп. 2. Д. 51.
22. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. Ч. 1. Д. 1227.
23. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. Ч. 2. Д. 5330.
24. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. Ч. 3. Д. 6759.
25. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. Ч. 3. Д. 8081.
26. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Д. 183.
27. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Д. 1858.
28. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Д. 1929.
29. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Д. 1945.
30. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Д. 2006.
31. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Д. 2137.
32. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Д. 2625.
33. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 5. Д. 61.
34. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 6. Д. 127.
35. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. Ч. 3. Д. 8081.
36. Смирнов И. А. Кирилло-Белозерский монастырь в 1764–1924 гг. // Кириллов : краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 52–76.
37. Терехова Л. В. Из истории развития полицейской системы в Кириллове и Кирилловском уезде в конце XVIII – начале XX века. Кириллов, 2018. 7 с.
38. Успенский Н. П. Древности Кирилло-Белозерского монастыря (продолжение) // Новгородские епархиальные ведомости. 1899. № 9. С. 630–639.
39. Успенский Н. П. Охранная опись рукописям Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 1901. 173 с.
40. Шаляпин С. О. К вопросу об устройстве средневековых монастырских темниц // XIII Ломоносовские чтения : сб. науч. тр. Архангельск, 2001. С. 152–157.
41. Шаляпин С. О. Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков. Архангельск, 2013. 240 с.
42. Шевырев С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь: вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 году : в 2 ч. Ч. 2. М., 1850. 134 с.

Prisons in the Kirillo-Belozersky monastery in the 17th–19th centuries

Belova Nadezhda Alexeevna

PhD in Historical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Humanities and Social and Economic Sciences, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.
Russia, Vologda. ORCID: 0000 -0002 -5564 -5426. E -mail: nade -belova@yandex.ru

Abstract. This article, based on published and, mainly, unpublished archival documents, as well as a historiographic analysis of research works, attempts to reconstruct the history of prisons that existed in the 17th–19th centuries on the territory of one of the largest Russian monasteries – Kirillo-Belozersky. The relevance of this topic is due to the complex and ambiguous nature of monastic penitentiary practice, an appeal to which, using the example of a specific monastery, allows us to identify its uniqueness and better understand the place of monasteries in the domestic penal system. The methodological basis of the study is formed by the principles of historicism, scientificity and objectivity, as well as the methods: comparative-historical, descriptive and critical interpretation of sources. Particular attention in the article is paid to the structure and penitentiary practice of the monastery dungeon, which operated on the territory of the monastery in the 17th–18th centuries. The reasons for the imprisonment of prisoners, the conditions of their detention in isolation are characterized, and the composition of the prison contingent is analyzed. It is shown that the prisoners were not only punished but also brought to repentance. It is revealed that the monastery's integration into the penitentiary system was not completed with the closure of the monastery prison. From the 1770s to the 1870s, a district prison operated in the former monastery prison premises, leased by the monastery to the city of Kirillov, and then captive highlanders were temporarily held. One of the main results of the study is that after the secularization reform of 1764, the importance of the penitentiary activities of the Kirillo-Belozersky Monastery gradually decreased, and as a result, by the last quarter of the 19th century, the monastery was completely freed from it.

Keywords: the history of the penitentiary system of Russia, Kirillo-Belozersky monastery, monastery prison, county prison.

References

1. *Akty i gramoty Kirillo-Belozerskogo monastyrya (Iz arkhiva Saratovskoy uchenoy arkhivnoy komissii)* [Acts and Letters of the Kirillo-Belozersky Monastery (From the Archive of the Saratov Scientific Archival Commission)] / with a preface by A. A. Geraklitov // *Trudy Saratovskoy uchenoy arkhivnoy komissii* – Proceedings of the Saratov Scientific Archival Commission. 1914. Is. 31. Pp. 1–27.
2. *Akty, sobrannyye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy Imperii Arkheograficheskoyu ekspeditsiyeyu Imperatorskoy akademii nauk* [Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Science]. Vol. 3. 1613–1645. SPb., 1836. 518 p.
3. *Antipin G. G. Krepost' Kirillo-Belozerskogo monastyrya* [Kirillov Fortress of the Kirillo-Belozersky Monastery]. Kirillov, 1934. 40 p.
4. *Arsenyev F. A. Ot Sheksny do Kubenskogo ozera (Putevyye ocherki) II. V Kirilov* [From Sheksna to Lake Kubenskoye (Travel Essays) II. In Kirilov] // *Drevnyaya i novaya Rossiya* – Ancient and Modern Russia. 1878. Vol. 2. No. 6. Pp. 89–98.
5. *Voronicheva O. V. Restavratsiya Kazanskoy bashni ansamblya Kirillo-Belozerskogo monastyrya* [Restoration of the Kazan Tower of the Kirillo-Belozersky Monastery ensemble]. Kirillov, 2015. 10 p.
6. SAVR (State Archive of the Vologda Region). F. 496. Op. 1. D. 555.
7. *Gernet M. N. Istoriya tsarskoy tyur'my* [History of the Tsarist Prison]. In 5 vols. Vol. 1: 1762–1825. M., 1960. 384 p.
8. *Zabeck N. N. Krepostnyye sooruzheniya XVII veka v Kirillove* [Fortress structures of the 17th century in Kirillov] // *Sbornik issledovaniy i materialov Artilleriyskogo istoricheskogo muzeya Krasnoy armii : v 2 t. T. 1* – Collection of studies and materials of the Artillery Historical Museum of the Red Army : in 2 vols. Vol. 1. L., 1940. Pp. 154–178.
9. *Iz rukopisey Ye. V. Barsova* [From the manuscripts of E. V. Barsov] // *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete* – Readings at the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University. 1885. Book IV. Vol. V. Pp. 1–3.
10. *Iz vlecheniye iz arkhivnykh knig i del Kirillova-Belozerskogo monastyrya* [Extract from the archival books and files of the Kirillov-Belozersky Monastery] / *Soobshcheny nastoyatelem Kirillova monastyrya arkhimandritom Iakovom* – Communicated by the abbot of the Kirillov Monastery, Archimandrite Jacob // *Drevnosti: Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva* – Antiquities: Works of the Moscow Archaeological Society. 1880. Vol. 8. Pp. 135–154.
11. *Istoriko-statisticheskoye opisaniye Kirillo-Belozerskogo (Uspenskogo) muzhskogo pervoklassnogo monastyrya Novgorodskoy yeparkhii* [Historical and statistical description of the Kirillo-Belozersky (Assumption) first-class men's monastery of the Novgorod diocese] / comp. by Gerontiy (G. M. Kurganovsky). M., 1897. 161 p.
12. *Kirpichnikov A. N., Khlopin I. N. Velikaya gosudareva krepost'* [The Great Sovereign's Fortress]. L., 1972. 252 p.
13. *Kochetkov I. A., Lelekova O. V., Podyapolsky S. S. Kirillo-Belozerskiy i Ferapontov monastyri: Arkhitekturnyye pamyatniki* [Kirillo-Belozersky and Ferapontov Monasteries: Architectural Monuments]. M., 1994. 63 p.
14. *Kochetkov I. A., Lelekova O. V., Podyapolsky S. S. Kirillo-Belozerskiy monastyr'* [Kirillo-Belozersky Monastery]. L., 1979. 172 p.
15. *Muravyov A. N. Russkaya Fivaida na Severe* [Russian Thebaid in the North]. SPb., 1855. 507 p.
16. *Nikolsky N. K. Kirillo-Belozerskiy monastyr' i yego ustroystvo do vtoroy chetverti XVII veka (1397–1625)* [Kirillo-Belozersky Monastery and its structure up to the second quarter of the 17th century (1397–1625)]. Vol. 1. Is. 1. SPb., 1897. 457 p.
17. MD RSL (Manuscripts Department of the Russian State Library). F. 17. D. 1204.3.
18. MD RSL (Manuscript Department of the Russian State Library). F. 570. Op. 1. D. 43.
19. *Pavlushkov A. R. Penitentsiarnaya praktika severnykh monastyrey XVII-XIX vv. : dis. ... kand. ist. nauk* [Penitentiary practice of northern monasteries of the 18th–19th centuries : dis. ... PhD in Historical Sciences. Vologda, 2000. 309 p.
20. RSAoAA (Russian State Archive of Ancient Acts). F. 196. Op. 2. D. 14.
21. RSAoAA. F. 196. Op. 2. D. 51.
22. RSAoAA. F. 1441. Op. 2. P. 1. D. 1227.
23. RSAoAA. F. 1441. Op. 2. P. 2. D. 5330.
24. RSAoAA. F. 1441. Op. 2. P. 3. D. 6759.
25. RSAoAA. F. 1441. Op. 2. P. 3. D. 8081.
26. RSAoAA. F. 1441. Op. 3. D. 183.
27. RSAoAA. F. 1441. Op. 3. D. 1858.
28. RSAoAA. F. 1441. Op. 3. D. 1929.
29. RSAoAA. F. 1441. Op. 3. D. 1945.
30. RSAoAA. F. 1441. Op. 3. D. 2006.
31. RSAoAA. F. 1441. Op. 3. D. 2137.
32. RSAoAA. F. 1441. Op. 3. D. 2625.

33. RSAoAA. F. 1441. Op. 5. D. 61.
34. RSAoAA. F. 1441. Op. 6. D. 127.
35. RSAoAA. F. 1441. Op. 2. P. 3. D. 8081.
36. Smirnov I. A. *Kirillo-Belozerskiy monastyr' v 1764–1924 gg.* [Kirillo-Belozersky Monastery in 1764–1924] // *Kirillov: krayevedcheskiy al'manakh* – Kirillov: local history almanac. Is. 2. Vologda, 1997. Pp. 52–76.
37. Terebova L. V. *Iz istorii razvitiya politseyskoy sistemy v Kirillove i Kirillovskom uyezde v kontse XVIII – nachale XX veka* [From the history of the development of the police system in Kirillov and Kirillovsky district in the late 18th – early 20th centuries]. Kirillov, 2018. 7 p.
38. Uspensky N. P. *Drevnosti Kirillo -Belozerskogo monastyrya (prodolzheniye)* [Antiquities of the Kirillo-Belozersky Monastery (continued)] // *Novgorodskiye yeparkhial'nyye vedomosti* – Novgorod Diocesan Gazette. 1899. No. 9. Pp. 630–639.
39. Uspensky N. P. *Okhrannaya opis' rukopisyam Kirillo-Belozerskogo monastyrya* [Security inventory of the manuscripts of the Kirillo -Belozersky Monastery]. SPb., 1901. 173 p.
40. Shalyapin S. O. *K voprosu ob ustroystve srednevekovykh monastyrskikh temnits* [On the structure of medieval monastery dungeons] // *XIII Lomonosovskiye chteniya: sbornik nauchnykh trudov* – XIII Lomonosov Readings: collection of scientific papers. Arkhangelsk, 2001. Pp. 152–157.
41. Shalyapin S. O. *Tserkovno-penitentsiarnaya sistema v Rossii XV–XVIII vekov* [Church-penitentiary system in Russia in the 15th–18th centuries]. Arkhangelsk, 2013. 240 p.
42. Shevyrev S. P. *Poyezdka v Kirill-Belozerskiy monastyr': vakatsionnyye dni professora S. Shevyreva v 1847 godu* [Trip to the Kirillo -Belozersky Monastery: vacation days of Professor S. Shevyrev in 1847]. In 2 parts. Part 2. M., 1850. 134 p.

Поступила в редакцию: 18.06.2025

Принята к публикации: 16.09.2025